

СУД ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

ОСОБОЕ МНЕНИЕ судьи Нешатаевой Т.Н. (дело № СЕ-1-2/3-20-КС)

6 ноября 2020 года

город Минск

В целом соглашаюсь с вынесенным решением Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года по делу по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Монокристалл» об оспаривании решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 4 июня 2019 года № 84 «О классификации искусственного корунда в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза», но считаю его недостаточно мотивированным.

В соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), заявляю особое мнение по вопросу, поставленному ответчиком в ходе рассмотрения дела, но не нашедшему достаточного отражения в мотивировочной части решения.

В данном судебном процессе Евразийская экономическая комиссия (далее – ЕЭК, Комиссия) ссылаясь на то, что Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд ЕАЭС, Суд) не наделен компетенцией по рассмотрению вопросов о соответствии решений Комиссии положениям Международной конвенции о Гармонизированной системе описания и кодирования товаров от 14 июня 1983 года (далее – Конвенция), поскольку с учетом положений статьи 6 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) Конвенция не является договором, заключенным в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз).

В обоснование своей позиции Комиссия приводила постановление Коллегии Суда от 10 марта 2020 года о прекращении производства по делу по заявлению ООО «Электронная таможня» к ЕЭК, в котором

указано, что «Конвенция не относится к международным договорам в рамках Союза и международным договорам с третьей стороной в понимании пункта 41 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору; далее – Статут Суда), и заявленное в Суд требование о соответствии Решения Гармонизированной системе выходит за пределы компетенции Суда».

Вынуждена остановиться на данном вопросе, поскольку он связан с опровержением устоявшейся практики Суда и, следовательно, с нарушением Судом цели своего функционирования – обеспечения единообразного применения государствами-членами и органами Союза Договора, международных договоров в рамках Союза, международных договоров с третьей стороной и решений органов Союза (пункт 2 Статута Суда), а также способностью действующего состава Суда достигать данной цели. Такая цель значительно отличается от того, чем занимаются юристы в рамках национальных правовых систем, и не допускает как действий международного суда в качестве дополнительной национальной судебной инстанции, так и приспособления к его работе методик национального правосудия, например, понимания состязательности в гражданско-процессуальном смысле.

Сам вопрос с возникновением неединообразия применения Договора связан, во-первых, с судебными актами по делу по заявлению ООО «Электронная таможня» к ЕЭК, а во-вторых, с тремя составляющими: (1) материально-правовой; (2) процессуально-правовой; (3) организационно-этической.

Вынуждена затронуть все три указанных элемента.

1. Самым важным является материально-правовой элемент поставленных вопросов о неединообразии в применении международных договоров. В деле по заявлению ООО «Электронная таможня» к ЕЭК, как и в других делах (см. дела по заявлению ЗАО «Санофи-Авентис Восток» к ЕЭК, АО «Транс Логистик Консалт» к ЕЭК), ставился вопрос о соответствии решений, действий ЕЭК нормам универсальных международных договоров.

Иными словами, Суду следовало рассматривать вопрос о неединообразном понимании объема права Союза в контексте: что такое Союз – государственно-подобное образование или другой субъект международного права, наднациональная международная организация (см. статью 8 Договора)? Суд в своих решениях, основываясь на статье 1 Договора, исходил из того, что Союз – не государство, но международная организация, действующая согласно нормам международного права. Отсюда следует, что объем права Союза шире указанных в статье 6 Договора источников права Союза. ЕЭК, последовательно настаивающая на том, что ее решения следует проверять лишь на соответствие

договорам, заключенным в рамках Союза (см. постановление Коллегии Суда от 10 марта 2020 года о прекращении производства по делу по заявлению ООО «Электронная таможня» к ЕЭК и особые мнения к нему), настойчиво упускает из виду, что статья 6 Договора не является ограниченным списком источников права Союза, исключая другие источники международного права, но лишь определяет правила разрешения конфликтов между указанными в ней источниками права Союза. Согласно статье 6 Договора первым и основным источником права Союза является сам Договор, в статье 3 которого определено обязательство соблюдать общепризнанные принципы международного права, а в пункте 50 Статута Суда (приложение № 2 к Договору, то есть часть Договора) указаны иные источники международного права, применяемые при разрешении конфликтов. В настоящем деле по заявлению ООО «Монокристалл» Коллегия Суда вновь подтвердила эту позицию.

Договор напрямую исходит из того, что Союз создан на основе универсальных правил – например, целей и принципов Устава Организации Объединенных Наций, норм, правил и принципов Всемирной торговой организации (см. преамбулу, приложение 31 к Договору), а международной основой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности являются Гармонизированная система описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации и единая Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Содружества Независимых Государств (пункт 2 статьи 19 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года).

Таким образом, сам Договор определяет обязанность органов Союза соблюдать взятые государствами-членами обязательства, вытекающие из международных договоров: то, что обязательно для государств – членов Союза, обязательно и для органов Союза в сфере переданной ему компетенции. Иной подход мог бы лишь означать, что международная организация «ловко» подменила государства-члены с целью отклонения их обязательств (нарушения) в сфере универсального международного права, в том числе вытекающих из обязательств государств-членов перед Всемирной таможенной организацией. В этом контексте следует подчеркнуть, что другие международные организации понимают этот вопрос так же: например, Орган по разрешению споров Всемирной торговой организации признает, что решения Союза являются «мерами» государств – членов Союза, за которые государства-члены могут нести международно-правовую ответственность (см., например, дело *Russia – Tariff Treatment of Certain Agricultural and Manufacturing Products*).

2. В процессуально-единообразном контексте соблюдения международных обязательств Суд неоднократно решал этот вопрос. Постановление по прекращению производства по делу по заявлению ООО «Электронная таможня» немотивированно нарушает устоявшуюся единообразную практику Суда, поддерживаемую в течение длительного периода в его обязательных решениях, поскольку вопрос о том, что Конвенция является составной частью права Союза, был ранее разрешен в следующих решениях Суда ЕАЭС (Суда Евразийского экономического сообщества):

- 1) Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 6 ноября 2020 года;
- 2) Решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 31 октября 2019 года;
- 3) Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 21 декабря 2018 года;
- 4) Решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 21 июня 2016 года;
- 5) Решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического союза от 2 июня 2016 года;
- 6) Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 7 апреля 2016 года;
- 7) Решение Суда Евразийского экономического союза от 4 апреля 2016 года;
- 8) Решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического сообщества от 29 декабря 2014 года;
- 9) Решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического сообщества от 14 октября 2014 года;
- 10) Решение Апелляционной палаты Суда Евразийского экономического сообщества от 21 февраля 2013 года.

Однако немотивированное пренебрежение к устоявшейся практике Суда породило пренебрежительное отношение к правам и интересам хозяйствующих субъектов – основе нашей интеграции, что не соответствует общепринятым подходам. Судебная практика выявила, что подобный подход используется в отношении успешных хозяйствующих субъектов, а также в отношении тех, кто защитил свои права в судах, и включает в себя внесение в решения ЕЭК о классификации товара сведений о неоднородных товарах: лекарство и упаковка для него, сырье и конечный продукт из сырья, что не соответствует общепринятым подходам в международной торговле. Все это было бы лишь несовременно или непрофессионально, если бы не выглядело столь опасно препятствующим развитию добросовестной конкурентной деловой активности на едином рынке ЕАЭС.

Особо следует отметить, что постановление о прекращении производства по делу не разрешает вопрос по существу, выносится в ходе осуществления судопроизводства по процедурным вопросам деятельности Суда (статья 1 Регламента Суда) и, следовательно, не может формализовать единообразное понимание права Союза, излагаемое Судом в обязательных решениях по спорным вопросам, вытекающим из конфликтных правоотношений, и рекомендательных консультативных заключениях по вопросам различного понимания права Союза государствами-членами и органами Союза, не перешедшего в стадию спора. Однако формулировки из постановления о прекращении производства по делу вновь используются ответчиком как «таран» против устоявшейся практики Суда.

По процессуальному элементу также отмечаю, что Статут Суда исходит из того, что 10 судей Суда ЕАЭС смогут договориться между собой и не будут решать один и тот же вопрос по-разному, неединообразно, немотивированно меняя подходы, поскольку цель их деятельности – единообразное понимание права Союза.

3. Неприятный момент, влияющий на единообразие в отправлении правосудия, – этико-организационный. Появление неединообразной практики (не в первый раз) совпадает с выборами руководства Суда ЕАЭС. Пункты 15, 16 Статута Суда предусматривают, что Председатель Суда и его заместитель избираются на 3 года, исходя из принципа суверенного равенства государств (статья 3 Договора) и принципа равенства судей (пункт 20 Статута Суда).

При прекращении полномочий Председатель Суда и его заместитель избираются из числа судей, представленных иными государствами-членами, нежели те, которыми были представлены предыдущий Председатель Суда и его заместитель, что не предполагает, что в нарушение принципа равенства судей одно лицо из них будет осуществлять полномочия руководителя в течение шести и более лет. Более того, пунктом 20 Статута Суда предусмотрено, что Председатель Суда и его заместитель не вправе предпринимать действия, приводящие к конфликту интересов или их личным преимуществам, нарушающим равенство судей, в том числе касающиеся рассмотрения дел. Этика этих статей предполагает, что ни один из руководителей не будет предпринимать действий, давать обещания вне общего консенсуса.

Однако проведение выборов руководителей Суда с отступлением от указанных принципов приводит к сбою в организации работы по созданию единообразной судебной практики. Избрание происходит без консенсуса, без учета мнения всех, за счет нескольких судей, что нарушает, в частности, принцип равенства судей и стандарт ротации руководителей международного суда каждые три года, а в целом –

извращает смысл и дух Договора: одни и те же лица руководят Судом в течение более шести лет без фактической ротации через три года, получая дополнительные властные полномочия, денежные доплаты, привилегии, но упуская из вида такую «утопию», как единообразное применение международных договоров. Поддержание единообразного правоприменения не рассматривается в качестве основной задачи Суда.

Но Договор таких преференций для отдельных стран и судей не предусматривает, императивно нацеливая Суд соблюдать равенство, принцип ротации, обеспечивая единообразие применения международных норм без немотивированного отступления от сформулированного в устоявшейся практике.

Однако, осознавая истину, что судьи – не боги, но люди, которые в том числе вынуждены претерпевать давление, оскорбления, прямые угрозы и другое негативное воздействие за отстаивание своих позиций во имя единообразного применения права, следует стремиться к созданию более четких и определенных судебных позиций, способных как защитить самостоятельность, независимость судьи, так и препятствовать искажению целей и принципов евразийской интеграции.

В настоящее время поставленная задача не решается в том числе и потому, что Комиссия рассматривает Суд как ординарную судебную инстанцию и последовательно отказывается следовать единообразному правопониманию в угоду бюрократическим интересам, но не интеграции в целом.

Итак, с сожалением следует констатировать, что в первоначальный период развития евразийского правосудия нарушения целей и духа Договора возникли на уровне организационно-этических процедур, затем сказались на судопроизводстве, повлияв на процесс, что привело к тому, что создание единообразной практики в области применения международных договоров, основу для которой сегодня дают в основном российские бизнес-структуры, становится если не невозможным, но труднодостижимым.

Такая взаимосвязь несовершенства организационных процедур и процесса рассмотрения дел подрывает единство правоприменительной практики, а также не соответствует идее создания Союза, которая описана в преамбуле Договора – «гарантировать устойчивый рост деловой активности, сбалансированную торговлю и добросовестную конкуренцию» путем защиты прав и интересов хозяйствующих субъектов, обеспечивающих экономическое развитие.